

* * *

Отшумела твоя эпоха,
Потрясло ее там и сям.
И эпохе бывает плохо,
А не только ее сыновьям.

И эпохе бывает стыдно,
Хоть признание сразу не жди.
И обидно, ох, как обидно,
Что этапы ее позади.

Что ж, решила свои задачи,
Так пора Тебе на покой.
Юный мальчик играет в мячик,
Он уже из эпохи другой.

Он не требует чьих-то вводных,
Смотрит фильмы в кино без купюр.
Неголодный и очень свободный,
Даже, видимо, чересчур.

Дуйте, ветры, мети, пороша,
Пой, гитара, звучи, рояль.
Если новое будет хорошим,
То и старое будет жаль.

* * *

Тоскуя, радуясь и плача,
Боясь, что снова не поймут,
Решали разные задачи,
Но приходили к одному,

Что жизнь считает без остатка,
Лишь вычитая и дробя,
Что не получится все гладко,
Тоскуя, радуясь, любя.

* * *

Ночь, улица, фонарь у входа
В аптеку сеет тусклый свет.
Но кто сказал, что нет исхода,
И кто сказал, что смысла нет.

Рожденье, смерть, опять рожденье,
Чередованье дней и числ,
В их многократном повторенье
Единственный и высший смысл.

* * *

Философ озабочен всеми
Вопросами, тогда, как ты,
Мой друг-художник, пишешь время,
Проникнув сквозь его черты.

Тебя то хаят, то возносят,
То обсуждают впопыхах,
То выдворяют, чтобы после
Вернуть на родину твой прах.

То к гениям тебя стремятся
Причислить, то, когда гоним,
Вдруг отрекаются, чтоб клясться
Позднее именем твоим.

* * *

Когда износится одежда,
Когда закончится еда,
Когда последняя надежда
Тебя оставит, и тогда
Не стоит, в злобе и обиде,
Считать и на душу брать грех,
Что Бог не все на свете видит
И думает не обо всех.

* * *

Все до мелочи знакомо
И обыденно весьма,
Сонных улочек истома,
Деревянные дома.

Те же запахи и краски,
Что и двадцать лет назад,
Жизнь без каждодневной встряски,
Устоявшийся уклад.

Так все вышло, так сложилось,
Тот же круг из тех же лиц,
Их природная сонливость
Непривычна для столиц.

Это свойство всех провинций,
Их всеобщего родства,
Где размеренность, как принцип
И как форма существа.

* * *

Я знаю наш менталитет
И понимаю наши нравы,
И тех, кто около ста лет
В России крепостное право
Все не решаясь отменить,
Слыл твердолобым ретроградом,
Их с высоты веков судить
И упрекать ни в чем не надо.

Не их нам стоит опасаться,
А слишком пламенных сынов,
Готовых, с легким сердцем, браться
За сокрушение основ.

* * *

Поэт боялся рифм глагольных
Не меньше, чем идей крамольных,
А утром посмотрел на вид:
А за окошком снег лежит,
Ель зеленеет, лес чернеет
И речка подо льдом блестит.

* * *

Пусть пишут, кто во что горазд,
Пусть судят, прямо и заочно,
Россия — это целый пласт
Судьбы, истории и почвы,
Огромный цельный пласт, и в нем
Соединились в полной мере,
Кто понимал ее умом,
И кто в Россию просто верил.